

Н.. Лосский

Ценность и бытие

Бог и Царство Божие как основа ценностей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.. Лосский**
Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.. Лосский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 134 с.

ISBN 978-5-458-23270-8

Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка. Всякое малейшее изменение, вносимое в мир каким бы то ни было деятелем, имеет ценностную сторону и предпринимается не иначе как на основе каких-либо ценностных моментов и ради них. Все сущее или могущее быть и вообще как-либо принадлежать к составу мира таково, что оно не только есть, но еще и содержит в себе оправдание или осуждение своего бытия: обо всем можно сказать, что оно хорошо или дурно, что должно или не должно, следует или не следует, чтобы оно было, что оно существует по праву или против права (не в юридическом смысле этого слова). Вездесущие ценностного момента есть условие, не облегчающее, а, наоборот, чрезвычайно затрудняющее опознание его и выработку отвлеченного понятия ценности. Встречая в опыте ценностный момент в неразрывной связи с бытием, трудно отделить одну сторону от другой так, чтобы мыслить в одних понятиях чисто бытийственную сторону, очищенную в абстракции от ценностного момента, а в других понятиях один лишь чисто ценностный момент. Мало того, возможно, что задача опознания этих двух сторон мира может быть осуществлена даже и в абстракции не путем мысленного разделения их, как можно отделить, например, мысленно цвет от протяженности, а лишь при условии мышления о бытии под особым углом зрения, открывающим некоторый аспект его, понятный лишь на основе своеобразного сочетания разнородных сторон мира.

ISBN 978-5-458-23270-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

высоко лежащее на скалѣ (удовольствие — неудовольствие), чѣмъ представлениe о небытіи объекта*). Желаемость и относительная пріятность такимъ образомъ законосообразно связаны. Это и есть цѣнность объекта.

Очень близокъ къ Эренфельсу Крейбигъ, утверждающій, что цѣнность есть значеніе, которое имѣеть для субъекта содержаніе ощущенія или мысли благодаря связаннымъ съ нимъ непосредственно или ассоціаціонно чувствамъ, дѣйствительнымъ или хотя бы существующимъ въ видѣ расположенія; чувства эти связаны съ содѣйствіемъ психической дѣятельности или угнетеніемъ ея**). Изъ этого опредѣленія вытекаетъ отрицаніе абсолютныхъ цѣнностей, признаніе относительности цѣнностей, а также утвержденіе субъективности ихъ. Впрочемъ, Крейбигъ допускаетъ терминъ «объективная цѣнность», если придать ему слѣдующее значеніе: цѣнность объекта согласно истинному сужденію идеальной личности, всѣ эмпирически возможныя реакціи чувства которой совершаются при полномъ знаніи свойствъ объекта.

Интересна исторія развитія мысли Мейнонга, этого тонкаго и осторожнаго аналитика, который началъ съ построенія психологистической, субъективистической теоріи цѣнностей («Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Wert-Theorie», 1894), а черезъ двадцать пять лѣтъ, послѣ появленія въ нѣмецкой литературѣ талантливыхъ трудовъ, стоящихъ на сторонѣ анти-психологии, объективизма и абсолютизма въ ученіи о

*) Chr. v. Ehrenfels, System der Werttheorie, 2 т.т. 1897, см. I т., стр. 65.

**) I. C. Kreibig, Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie, Wien, 1902, стр. 12.

цѣнности, занялъ въ свое мъ послѣдніемъ трудъ («Zur Grundlegung der allgemeinen Wert-Theorie», 1923), какъ онъ самъ заявляетъ, «примирильное положеніе» между враждующими лагерями. Уже въ свое мъ первомъ трудѣ Мейнингъ показываетъ, возражая Эренфельсу, что нельзя выводить цѣнность изъ желаемости, потому что отношеніе между этими двумя моментами обратное: желаніе основано на чувствѣ цѣнности, а не наоборотъ (стр. 15). Точно такъ же нельзя цѣнность сводить на полезность, такъ какъ полезность зависитъ отъ цѣнности: полезно то, что является причиной цѣнного факта (13). Нельзя ссыльаться на трудъ, на жертвы и затраты, какъ на первичный источникъ цѣнности, потому что трудъ, жертвы и затраты направляются на то, что уже цѣнно, а не впервые созидаютъ цѣнность (Zur Grundl., 25 сс.). Нельзя, наконецъ, сводить цѣнность на удовлетвореніе потребности, т. е. устраненіе неудовольствія вслѣдствіе несуществованія какого-либо предмета, потому что цѣнно многое такое, отсутствіе чего не связано съ чувствомъ неудовольствія. Если расширить понятіе потребности или, вѣрнѣе, замѣнить его понятіемъ интереса, то связь между интересомъ и цѣнностью, говоритъ Мейнингъ, окажется всегда налична, однако, пользы для изслѣдованія отсюда не получится, такъ какъ это два почти равнозначащія слова (Zur Gr., 19).

Отвергая перечисленныя ученія, Мейнингъ однако находитъ, что всѣ они содержать въ себѣ моментъ, дѣйствительно входящій въ понятіе цѣнности, именно — отношеніе къ субъекту. Всякій предметъ можетъ быть цѣннымъ, говоритъ Мейнингъ, и притомъ, оставаясь тожественнымъ, онъ можетъ вызывать различные переживанія цѣнности у разныхъ субъектовъ и даже у одного

и того же субъекта: отсюда слѣдуетъ, что дѣло не въ предметѣ, а въ нашемъ отношеніи къ нему *).

Какое же это наше отношеніе? — Единственное общее, что можно найти въ самыхъ различныхъ случаяхъ цѣнности, говоритъ Мейнонгъ, есть переживаніе субъектомъ чувства цѣнности или, вѣрнѣе, возможность такого переживанія: «предметъ цѣненъ, поскольку онъ имѣетъ способность служить фактическимъ основаніемъ для чувства цѣнности у лица нормального и достаточно ориентированаго» (Untersuch., 25). Чувство цѣнности, прибавляеть онъ, есть единственное фено-мениальное, т. е. доступное опыту въ цѣнности (стр. 30).

Отсюда Мейнонгъ приходитъ къ выводу, что цѣнность относительна въ двухъ смыслахъ,—во-первыхъ, поскольку она есть способность и, во-вторыхъ, поскольку необходимъ субъектъ, въ которомъ осуществляется переживаніе чувства цѣнности. Попытки найти абсолютную цѣнность предмета онъ объясняетъ, какъ исканіе въ предметѣ,зывающемъ чувство цѣнности, того свойства, которое, будучи имманентно предмету, принадлежитъ ему и тогда, когда нѣтъ субъекта. Однако, говоритъ онъ, это понятіе цѣнности не совпадаетъ съ общепринятымъ: въ обычномъ смыслѣ цѣнность приписывается предмету постольку, поскольку есть кто-нибудь, для кого цѣнность есть цѣнность (стр. 29 с.).

Определеніе цѣнности, данное Мейнонгомъ и приведенное мною выше, изумляетъ своею опустошенностю; въ концѣ концовъ, оно сводится, согласно указанію самого Мейнонга, къ слѣдующему: цѣнно то, что я

*) Meinong, Psych. eth. Untersuch. стр. 14, Zur Grundleg. стр. 33.

цѣнью (стр. 14 с.). Если понять эту теорію, какъ утверждение, что свойство предмета, вызывающее въ субъектѣ чувство цѣнности только тѣмъ и цѣнно, что оно вызываетъ чувство цѣнности, то ученіе Мейнонга окажется крайнимъ и весьма обѣдненнымъ психологиизмомъ. Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что чувства цѣнности цѣнны, но еще болѣе очевидно, что эти чувства суть симптомъ еще болѣе значительной и болѣе основной цѣнности самого того содержанія бытія, которое такія чувства пробуждаетъ.

Стоитъ только въ опредѣлениіи Мейнонга «предметъ цѣненъ, поскольку онъ имѣеть способность служить фактическимъ основаніемъ для чувства цѣнности у лица нормального и достаточно ориентированнаго» поставить удареніе на словѣ способность, вспомнивъ къ тому же замѣчаніе Мейнонга, что чувство цѣнности есть единственное феноменальное, т. е. доступное опыту въ цѣнности, и мы получимъ право понимать всю эту теорію, какъ агностицизмъ, подчеркивающій чувство цѣнности только потому, что болѣе глубокое содержаніе этого аспекта міра не дано въ опытѣ; гонясь за осязательнымъ фактамъ, Мейнонгъ не проникаетъ въ темную глубину объективной цѣнности. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи онъ даетъ только намекъ на основное значеніе цѣнности, говоря, что первичный источникъ чувства цѣнности есть зло или благо сущаго (55). Дальнѣйшая разработка этой мысли должна обнаружить, что чувство цѣнности есть только симптомъ цѣнности, и можетъ привести къ теоріи объективности или, по крайней мѣрѣ, къ теоріи субъектъ-объективности цѣнности. Эренфельсь, страстно борющійся противъ перенесенія цѣнности въ объектъ, почувствовалъ эту возможность въ разсужденіяхъ Мей-

нонга и потому настаиваетъ на устраниеніи словъ «способность (Faehigkeit) объекта» изъ даннаго имъ определенія*).

Спустя двадцать пять лѣтъ Мейнонгъ написалъ книгу «Zur Grundlegung der allgemeinen Wert-Theorie», въ которой «личныя цѣнности (persönliche Werte), т. е. цѣнности для кого - нибудь служатъ уже только исходнымъ пунктомъ изслѣдованія.' Говоря даже объ этихъ цѣнностяхъ, онъ называетъ свое положеніе въ спорѣ между субъективистами и объективистами примиательнымъ и даетъ слѣдующее определеніе: «личная цѣнность есть пригодность (Eignung) объекта служить благодаря своему свойству и положенію предметомъ переживаній цѣнности» (143) или, иными словами, это есть значеніе его бытія для субъекта, (Seinsbedeutung fr ein Subject, стр. 145). Кромѣ того, теперь онъ признаетъ, что, наряду съ личными цѣнностями, существуютъ еще цѣнности н е л и ч н ы я (nepersönliche), напр., истина, красота, нравственное добро (145). Чтобы признать ихъ цѣнностями, не требуется переживание чувства цѣнности. Это цѣнности абсолютныя, хотя, конечно, и здѣсь къ абсолютной цѣнности присоединяется еще и относительная: можно говорить не только о «неличной цѣнности даннаго О», но еще и о «правомѣрномъ значеніи этого О» для такого то субъекта (163). Абсолютная неличная цѣнность «по справедливости (berechtigterweise) должна бы быть цѣнностью для всякаго субъекта» (165).

Очень близка къ Мейнонгу, въ этой послѣдней стадіи его развитія, теорія Г е й д е, послѣдователя Ремке. Согласно Гейде, «цѣнность есть особое' отношение,

*) Ehrenfels, I т., стр. 65.

именно «пріуроченность» (*Zugeordnetheit*), существующая между объектомъ цѣнности и чувствомъ цѣнности (особымъ состояніемъ субъекта цѣнности); при этомъ, такъ какъ цѣнность есть отношеніе, то члены отношенія, объектъ или субъектъ цѣнности и состояніе субъекта имѣются въ виду просто лишь какъ данное (т. е. независимо отъ того, дѣйствительны ли они)»*).

Изъ опредѣленія видно, что наличность цѣнности предполагаетъ сочетаніе субъекта и объекта, однако свойства объекта суть не цѣнность, а только основаніе цѣнности, также и чувство цѣнности, переживаемое субъектомъ, не есть цѣнность; строго и опредѣленно Гейде отстаиваетъ мысль, что цѣнность есть отношеніе объекта къ состоянію субъекта (стр. 106). Подчеркнувъ это какъ бы стояніе цѣнности «между» объектомъ и субъектомъ, Гейде показываетъ, что его теорія не есть ни субъективизмъ, ни объективизмъ, что она не впадаетъ въ релативизмъ и психологизмъ. Хотя цѣнность, говорить Гейде, есть отношеніе, однимъ изъ членовъ котораго долженъ быть субъектъ, все же она не субъективна, она не есть психическое переживаніе субъекта, она есть отношеніе (стр. 50, 63, 76, 83). Мало того, связь съ субъектомъ не мѣшаетъ некоторымъ цѣнностямъ быть абсолютными: есть цѣнности, не зависящія отъ частныхъ особенностей субъекта (*Subjectbesonderheit*), онѣ — абсолютны.

Въ рѣзкой противоположности къ Гейде стоитъ учение Шелера: цѣнности, напримѣръ, «пріятный, милый, восхитительный, благородный» и т. п. суть не отношенія, а своеобразныя качества образующія особое царство предметовъ съ особыми отношенія-

*) *I. E. Heyde, Wert*, 1926, стр. 153.

ми и рангами*): ихъ нельзя получить или умозаключить изъ признаковъ и свойствъ, которые сами не принадлежать къ области цѣнностей (стр. 9). Носители качествъ, познаваемыхъ посредствомъ теоретическихъ функций интеллекта, суть вещи (*Ding*), а носители цѣнностныхъ качествъ суть блага (*Güter*); благо есть «подобное вещи единство цѣнностныхъ качествъ» (*dinghafte Einheit von Wertqualitten*, стр. 15). Блага и вещи суть данности, одинаково первоначальные: нельзя утверждать, что благо есть основа вещи (какъ это дѣлаютъ, напр., Махъ или Бергсонъ), или что вещь есть основа блага (16).

Самостоятельную содержательность цѣнностей Шелеръ выясняетъ подчеркиваниемъ того, что они могутъ быть даны въ сознаніи отдельно отъ своихъ носителей: какъ чувственное качество, напр. красный цветъ, можетъ быть воспринято безъ вещи, которой оно принадлежитъ, такъ цѣнности, напр. «благородный, жуткий, грозный» вступаютъ иногда въ сознаніе отдельно отъ тѣхъ благъ, которыя служатъ носителями ихъ, и раньше даже, чѣмъ восприняты сами эти блага (12). Ребенокъ, напр., воспринимаетъ «доброту» или «злобу» въ наклоненномъ надъ его колыбелькой лицѣ, не разбирая еще самихъ лицъ.

Восприятіе цѣнностей осуществляется не посредствомъ теоретическихъ, а посредствомъ эмоциональныхъ интенціональныхъ функций, посредствомъ дѣятельностей чувства (*Fhlen*). Анализируя эти переживания, Шелеръ различаетъ въ нихъ, какъ и въ теоретическихъ дѣятельностяхъ, интенціональную функцию и

*) M. Scheler, *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*, стр. 248, стр. 10.

содержаніе или «явленіе» (*Erscheinung* въ смыслѣ подобномъ тому, какой придалъ этому термину Штумпфъ въ своемъ трактатѣ «*Erscheinung und Funktionen*»): въ функціи чувства (*Fühlen*) мнѣ «является» цѣнность подобно тому, какъ въ функціи представлениія мнѣ является предметъ, вещь. Здѣсь нужно различать «чувствованіе чего-либо» (*Fühlen von Etwas*) и само состояніе, служащее содержаніемъ чувствованія (*Gefülsgegenstand*); напр., чувствованіе боли и самую боль, которую я «переношу», или «терплю», или «страдаю», или «смакую» (263). Это свое ученіе о томъ, что цѣнности постигаются посредствомъ чувства, какъ особой направленной на нихъ функціи, Шелеръ называетъ «эмоциональнымъ интуитивизмомъ».

Изъ всего сказанного ясно, что Шелеръ рѣшительный защитникъ объективности цѣнностей. Необходимъ, правда, особый видъ сознаванія, посредствомъ котораго цѣнности могутъ быть найдены (272). Но существованіе многихъ цѣнностей во все не связано съ психофизическою организаціею человѣка и даже вообще не предполагаетъ я или субъекта: цѣнности существуютъ во всей природѣ (273 с.). Утверждая объективность цѣнностей, Шелеръ отстаиваетъ также существованіе абсолютныхъ цѣнностей.

Н. Гартманъ въ весьма существенныхъ пунктахъ согласенъ съ Шелеромъ. Цѣнности, говоритъ онъ, суть не законы, а содержательно-материальная, объективная образованія*). Они идеальны (принадлежать къ *an sich seiende ideale Späre*, стр. 96), ихъ бытие не имѣеть «существованія» (*Ezistenz*), но мате-

*) N. Hartmann, Ethik, 1926, стр. 106.

рія ихъ доступна реалізації (107, 136). Цѣнности — сущности (*Wesenheiten*), они представляютъ собою специфическое качество вещей, отношений, лицъ. Они такія сущности, благодаря которымъ все, что имъ причастно, цѣнно. Доступны они не мысли, а видѣнію, «*Schau*», эмоціальному, интуитивному (108 с.). Однако знаніе о нихъ, какъ и всякое другое знаніе, имѣеть теоретический характеръ (135). Отстаивая объективность цѣнностей, Н. Гартманнъ, какъ и Шелеръ, утверждаетъ также существование абсолютныхъ цѣнностей.

Укажу еще на опредѣленіе цѣнности, данное Г. Д. Гурвичемъ въ его «*Fichtes System der konkreten Ethik*» (1924). Оно существенно отличается отъ всѣхъ предыдущихъ ученій тѣмъ, что ставить цѣнность въ связь съ высшимъ предѣломъ бытія. «Цѣнность», говоритъ Гурвичъ, «естьaprіорный моментъ количественно-качественной положительной безконечности, которая черезъ среду опредѣляющаго и антиципирующаго ее идеала находится въ вѣчномъ переходѣ въ качественно положительную безконечность» (278). Этотъaprіорный идеальный моментъ можетъ проникать со-бою также и эмпирически реальное (274).

Приведенныхъ ученій достаточно, чтобы смутить лицо, неопытное въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Если люди, высоко талантливые, вдумчивые, отдавшіе всю свою жизнь решенію философскихъ проблемъ, приходятся къ такому разброду мнѣній, то, повидимому, истина скрыта въ недосягаемой человѣческому уму глубинѣ. Одни выводятъ цѣнностный аспектъ міра изъ индивидуально - психическихъ переживаний, другие изъ непсихическихъ факторовъ; одни считаютъ цѣнности субъективными, другие — объективными; одни утверждаютъ относитель-

но с ть вс ъхъ ц ънностей, другіе настаиваютъ на сущес твованіи также и а б с о л ю т н ы хъ ц ънностей; одни говорятъ, что ц ънность есть от но ш ен іе, другіе, — что ц ънность есть к а ч ес т в о; одни считаютъ ц ънности и д е а л ь н ы м и, другіе — ре аль н ы м и, третыи — не идеальными, но и не реальными (напр., Гейде). Не будемъ однако отчаиваться: какъ ни различны эти теоріи, каждая изъ нихъ учитываетъ какую-либо сто рону ц ънности, и задача нашего изслѣдованія будетъ состоять въ томъ, чтобы найти мѣсто каждого элемен та ц ънности въ полной теоріи, которая не только от вѣтила бы на вопросъ, что такое ц ънность, но еще и объяснила бы, какъ возможно такое множество столь разнородныхъ теорій. Спиноза правильно указываетъ на то, что *veritas norma sui et falsi est*.

Начнемъ съ психологизма въ ученіи о ц ънности.